

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/22253513/56/7

Недоказательственное значение вещественных доказательств в уголовном процессе

Алия Рашитовна Шарипова¹

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, nord-wind23@mail.ru

Аннотация. Институт вещественных доказательств является универсальным для уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Помимо доказательственного значения, однако, в уголовном процессе он имеет и «недоказательственное», обеспечительное значение. Правомочные органы и должностные лица при помощи признания ценных предметов вещественными доказательствами, решения вопроса об их хранении, конфискации, уничтожении, передаче кому-либо осуществляют принуждение лиц к кому-либо поведению или разрешают имущественные конфликты.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс

Для цитирования: Шарипова А.Р. Недоказательственное значение вещественных доказательств в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 83–94. doi: 10.17223/22253513/56/7

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/7

Non-evidential significance of material evidence in criminal proceedings

Aliya R. Sharipova¹

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the influence of the institute of material evidence in criminal proceedings on the problems of ensuring the property interests of persons involved in criminal proceedings. The author has determined that in addition to its clear meaning, the institute of material evidence has a security, compulsory nature. The comparative method of research allows us to show the unclear place of the institute of material evidence in the system of informal measures of criminal procedural coercion. The author compares individual criminal procedural, arbitration procedural, civil procedural and administrative procedural rules governing the inclusion of material evidence in court cases, their storage, and their disposal after or during the resolution of the case. Such a comparison allowed the author to identify several significant inter-branch differences that are not explained by the specificity of criminal cases. The total prevalence of material evidence in criminal cases and their rare use in other

types of court cases cannot be explained only by different standards of proof. The author suggests that in some criminal cases, items (usually expensive ones) are recognized as material evidence not for the sake of the prospect of confirming any facts, but for the sake of ensuring the property interests of victims, civil plaintiffs or other persons. There is no such tendency in other types of legal proceedings; material evidence is not used in them for the purpose of securing or coercion. Specific manifestations of both the compelling need to ensure the safety of any property and its manipulation are associated, among other things, with the powers of the court and investigators to transfer material evidence to their "owners". In civil proceedings, the court is obliged to return material evidence to the persons from whom it was accepted, with some obvious exceptions. In criminal proceedings, there is no goal or means of resolving disputes over the right of ownership of material evidence, so a revision of the relevant rules is needed.

Keywords: material evidence, criminal proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings

For citation: Sharipova, A.R. (2025) Non-evidential significance of material evidence in criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 83–94. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/7

Вещественные доказательства в межотраслевом контексте

Идея конвергенции уголовного процесса с гражданским, арбитражным и административным процессами плодотворна не только в направлении разработки единых межотраслевых процедур, но и в плане возможности новых взглядов на состояние отдельных институтов уголовного процесса через их сопоставление с соответствующими отраслевыми аналогами. Доказательственное право – наиболее бесспорная территория для сравнения норм уголовно-процессуального права и практики их применения с арбитражными процессуальными, гражданскими процессуальными и административными процессуальными.

Огромное разнообразие предметов, признаваемых вещественными доказательствами (далее по тексту также и «вещдоками») по уголовным делам, привело к появлению многих специфических для уголовного процесса проблем.

Процессы доказывания и виды доказательств в целом в разных видах судебных процессов (уголовном, гражданском, арбитражном и административном) очень близки, и, по нашему мнению, их законодательная регламентация и практика применения должны быть еще ближе.

Отталкиваясь от этой идеи, следовало бы предположить, что состояние института вещественных доказательств в уголовном процессе, с одной стороны, и гражданском, арбитражном и административном процессах – с другой, приблизительно одинаковое. Разумеется, есть совершенно понятные и обоснованные различия, обусловленные спецификой уголовного процесса, кроме того, большая распространённость вещественных доказательств по уголовным делам опосредованно влечет большую разработанность соответствующего уголовно-процессуального института. Мы не ожидаем встретить в арбитражных делах окровавленных ножей и отмычек, поэтому все криминалистическое «сопровождение» вещдоков логично встраивается именно в уголовный процесс.

Однако наличием в уголовном процессе и отсутствием во всех остальных процессах подобных вещдоков различия института не исчерпываются. Проведенный нами анализ позволил выявить следующие специфические уголовно-процессуальные особенности института, которые мы попытаемся объяснить.

Степень распространенности

Чрезвычайная распространенность вещественных доказательств в уголовных делах. Подобный статистический анализ мы проводили и в отношении свидетельских показаний, и вывод по тем и другим видам доказательств одинаковый: нет уголовных дел без вещественных доказательств и без свидетельских показаний. Это абсолютно объяснимо, когда речь идет об убийствах, изнасилованиях, разбоях или террористических актах. Но вот почему в очень похожих со всех сторон, в том числе с доказательственной, арбитражных делах о налоговых правонарушениях нет никаких вещдоков, а в уголовных делах о налоговых преступлениях – обязательно есть? Речь даже не о налоговых декларациях на бумажных носителях (их в последние годы уже практически никто не подает), по которым можно проводить экспертизы подписи или времени изготовления: существование таких вещественных доказательств в уголовных делах о налоговых преступлениях было оправдано в аналоговую эпоху. Но вещественными доказательствами по налоговым преступлениям следователи признают даже товары, реализация которых не была обложена налогом должным образом [1].

Мы можем с определенными допущениями предположить, что дело в разнице стандартов доказанности, а также в традициях доказывания, которые в каждом виде процесса немного различаются. Однако такая разница подводит нас к гораздо более важному выводу.

Признание вещественным доказательством в механизме разрешения имущественных конфликтов

Вещественные доказательства в уголовном процессе – институт не только доказательственного права, он имеет важное значение за пределами собственно доказывания. Первое и второе предположения связаны между собой: не в том ли причина чрезвычайной распространенности вещественных доказательств, что признание каких-либо предметов ими – это способ воздействия на поведение людей как минимум, а как максимум – инструмент решения имущественных конфликтов, сопряженных с производством по уголовному делу?

Констатацией того, что институт вещественных доказательств образован нормами, том числе «регламентирующими восстановление нарушенных прав потерпевшего или владельцев вещественных доказательств» [2. С. 17], обычно разговор заканчивается; подробности вопросов имущественного характера в литературе не освещаются, а если и освещаются, то распространенность обращения в доход государства якобы бесхозных доказательств

никого не смущает. В основном исследователей интересует защита имущественных прав потерпевшего, и среди разнообразных споров по поводу вещественных доказательств самый обсуждаемый – спор между законным владельцем (как правило, потерпевшим) и добросовестным приобретателем [3]. Одна из распространенных разновидностей этого спора касается изъятия в качестве вещественного доказательства добросовестно приобретенного автомобиля, который был угнан у законного владельца [4].

Изученные арбитражные и гражданские судебные акты показали нам, что основная причина упоминания в них вещественных доказательств – это неиспользование последних в доказательственном качестве в том или ином процессе, а спор, связанный с передачей вещдоков по уголовному делу на хранение, с их уничтожением, передачей кому-либо как собственнику или конфискацией. Конечно же, такие споры ведутся вовсе не по поводу заточек, булыжников и горлышек от разбитых бутылок, при помощи которых были совершены насильственные преступления; наравне с подобным «хламом» в той же процедуре суды по уголовным делам решают судьбы недвижимого имущества, автомобилей, ценных бумаг и денег. Ценное имущество, на обладание которым претендует более чем одно лицо, становится предметом не полноценного судебного спора; оно «распределяется» судами по тем же правилам, что не обладающее существенной ценностью (например, предметы, используемые в качестве оружия, бумажные записки) или имущество, ограниченное в обороте и запрещенное к обороту, на которое практически не вправе никто заявить легальных претензий (например, наркотические средства). Интересно в связи с этим отметить, что в вещественные доказательства (*physical evidence*) в американской процессуальной терминологии называются «научными», «криминалистическими» (*forensic evidence*), поскольку имеется в виду потенциальное проведение исследований по ним [5]. С учетом того, что в отечественном уголовном процессе причиной для признания предмета вещественным доказательством может являться не перспектива проведения экспертизы по нему и соответствующая доказательственная ценность, а «ценность» предмета в денежном эквиваленте, американская терминология была бы неприменима к таким нашим доказательствам.

Именно признание предмета вещественным доказательством (пусть даже в реальности он не имеет никакой доказательственной ценности либо эта ценность может быть воспроизведена и в его отсутствие при помощи других доказательств) позволяет в дальнейшем распоряжаться его судьбой. Так, по известному делу, давшему повод для рассмотрения жалобы против РФ Европейским судом по правам человека, именно признание законно полученных собственных денежных средств гражданина, впоследствии ввезенных на таможенную территорию с сокрытием от контроля (ст. 188 УК РФ), вещественными доказательствами позволило в дальнейшем их конфисковать, произвольно лишив собственника его имущества [6].

По сути, признание любого имущества вещественным доказательством приводит к возможности распоряжаться его судьбой как вопреки правилам

подсудности (т.е. не в рамках арбитражного или гражданского судопроизводства), так и вне процедуры рассмотрения гражданского иска. Между тем признание предмета вещдоком не отменяет возможность существования споров по поводу права собственности на него, как связанных прямо или косвенно с событием преступления, так и вовсе не связанных. С учетом того, что вещественными доказательствами признаются самые разнообразные объекты (земельные участки [7], здания [8], объекты незавершенного строительства [9], акции [10], в том числе бездокументарные [11], произведения искусства [12], самолеты [13] и др.), споров, связанных с определением судьбы вещдоков, тоже много (арбитражные и гражданские споры о признании права собственности на вещественное доказательство, приобретенное к уголовному делу, переданное на хранение или реализацию, о признании права или неосновательном обогащении, связанные с несогласием с определением судьбы вещественного доказательства по приговору, и т.д.).

Обеспечительный характер вещественных доказательств

Одно из важнейших «недоказательственных» значений института вещественных доказательств – обеспечительное. Несмотря на то, что ст. 115 УПК РФ предусматривает «обеспечительный» арест имущества, в действительности, поскольку он накладывается только судом, а не следователем, и только в отношении имущества подозреваемого и обвиняемого (за редким исключением, предусмотренным ч. 3 данной статьи), далеко не все «ценности», связанные с уголовным делом, оказываются арестованными.

Уголовно-процессуальная практика давно наработала собственные, существующие параллельно нормативно установленным меры принуждения, одна из которых, по нашему мнению, – признание предмета вещественным доказательством. Мы подробно сопоставляли цивилистические обеспечительные меры и уголовно-процессуальные меры принуждения и, помимо их аналогичности, отметили возможности заимствования обеспечительных мер или их отдельных свойств в уголовный процесс. Практику признания вещдоками для целей сохранения имущества, за счет которого будет исполняться приговор, в том числе в части гражданского иска, для целей минимизации ущерба, причиненного преступлением потерпевшим, с точки зрения буквы закона можно считать злоупотреблением правом. Именно так оценивает эту практику, приводя красноречивые примеры, Т.В. Трубникова [14]. Либо можно видеть в этой практике проявления проблем применения мер принуждения, на замену которым выходит институт вещественных доказательств.

«Обеспечительный» характер вещественных доказательств свойствен только уголовному процессу, хотя вещественные доказательства используются и в арбитражном, гражданском и административном процессах. Однако в целом и как правило, доказывание при помощи «вещей» в этих процессах не сопровождается их изъятием у собственника. В изученных нам судебных актах по гражданским и арбитражным делам «вещественные доказательства» упоминаются только применительно к их осмотру и, как мы

выше отмечали, этот осмотр очень редко бывает востребован. Приобщение к материалам дела и лишение возможности владения, пользования и распоряжения ценным имуществом в арбитражных и гражданских делах практически не встречается, хотя сами дела, как правило, связаны с определением судьбы имущества. В целом к приобщению и хранению вещественных доказательств цивилистический процесс показывает отношение с точки зрения не только целесообразности для дела, но и уважения интересов собственника. Так, например, если сторона по делу заявляет о каких-то свойствах спорного товара, которые можно установить путем осмотра, то приобщается не вся спорная партия (как это практически наверняка было бы по уголовному делу), а только образец [15]. Проявлением «гибкости» в отношении интересов сторон является и оперативная возможность производства осмотра вещественных доказательств нотариусом с приданием результатам такого действия затем доказательственного значения в суде [16].

Так или иначе, мы должны признать, что в уголовном процессе произошло сращение института вещественных доказательств с институтом мер процессуального принуждения и даже формирование некоторых признаков института обеспечения гражданского иска и исполнения приговора.

Полномочия распоряжения судьбой вещественных доказательств

Отличие отраслевой регламентации вещественных доказательств состоит в значительно большей детализации УПК вопросов, связанных с распоряжением их судьбой, в сравнении с АПК, ГПК и КАС.

УПК, ГПК и КАС, в отличие от АПК, признают преимущественным местом хранения вещественных доказательств «дело» (цивилистический вариант – «в суде»). АПК разрешает хранить их в суде в необходимых случаях, а в остальных – они остаются на своих местах (ст. 77); после осмотра вещественные доказательства возвращаются, а их хранение до вступления в силу окончательных судебных актов является правом, а не обязанностью суда (ч. 2 ст. 80); об их распоряжении, в случае не возвращения лицу, их представившему, выносится определение, а не итоговое решение.

Одно из отличий УПК в том, что он предписывает при решении вопроса о вещественных доказательствах передавать их (за исключением не подлежащих передаче) «законным владельцам» (п. 4 ч. 3 ст. 81). Остальные процессуальные кодексы предусматривают возврат вещественных доказательств лицам, «от которых они были получены» (ч. 3 ст. 76 ГПК, ч. 1 ст. 80 АПК, ч. 1 ст. 75 КАС). Указанными статьями АПК, ГПК и КАС предусмотрено, что предметы, которые, согласно федеральному закону, не могут находиться во владении отдельных лиц (граждан – по ГПК), передаются соответствующим организациям. Очень редкая практика применения есть только у арбитражного процессуального варианта этой нормы, и она сводится к невозвращению контрафактных товаров как изъятых из оборота [17].

Эти цивилистические процессуальные подробности мы приводим для того, чтобы показать, что по арбитражным, гражданским и административным делам суды не вникают в «происхождение» вещественных доказательств, возвращая их тому источнику, от которого получили, за редким и совсем очевидным исключением, когда такой возврат делать нельзя. В общем-то так же очевидно то, что осужденному за преступление нельзя возвращать ценности, полученные им в результате его совершения, их как раз нужно возвращать «законным владельцам»; производство по уголовному делу позволяет определить таких законных владельцев, поскольку этот вопрос так или иначе входит в предмет доказывания.

Но что касается ценных предметов, признанных вещественными доказательствами, которые не были изъяты у подозреваемого и обвиняемого (осужденного впоследствии): каким образом, в какой процедуре, с чьим участием суд должен устанавливать их законного владельца?

Указание на законных владельцев, вроде бы, обязывает суд разобраться в том, кому принадлежит имущество, поскольку последними считаются собственники или обладатели иного права на имущество. В то же время УПК «уходит» от разрешения споров о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81), а суды прямо указывают, что «передача автомобилей (признанных вещественными доказательствами по делу. – *Прим. автора*) потерпевшим не свидетельствует о признании за ними прав собственности на данные автомобили» [18]. Тут надо попутно заметить, что полностью избежать споров о принадлежности имущества в рамках уголовного судопроизводства не удастся: например, в рамках обжалования действий следователей в порядке ст. 125 УПК по существу рассматриваются споры между законным владельцем и добросовестным приобретателем имущества, признанного вещественным доказательством [19].

Нередки случаи, когда суды не разыскивают собственников вещественных доказательств и принимают решения об их уничтожении или обращении в доход государства; как правило, это не касается очень дорогостоящих вещей, но тем не менее среди них встречаются системные блоки [20], денежные средства [21], мобильные телефоны [22] и др.

Поскольку очевидно, что нет никакой необходимости и целесообразности нагружать уголовный процесс разбирательствами о принадлежности имущества, верным мы считаем отказаться от указания на передачу вещественных доказательств «законным владельцам». В действительности, у суда нет ни специальных полномочий, ни целей устанавливать законного владельца каждого из вещественных доказательств, поэтому вполне возможно перенять цивилистический пример и передавать вещдоки «лицам, у которых они были изъяты или получены». Разумеется, из этого правила необходимо исключение для преступно полученного имущества и имущества, изъятого из оборота и ограниченного в обороте.

Еще более произвольным выглядит изъятие и удержание имущества, признанного вещественным доказательством, органами предварительного расследования. Так, у предпринимателя были изъяты слитки драгоценных

металлов, проверка сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 191 УК РФ (Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга), закончилась отказом в возбуждении уголовного дела. Но орган предварительного расследования отказался возвращать имущество предпринимателю с указанием на то, что он не подтвердил документально свое право собственности. Но разве в полномочия органов предварительного расследования входит проверка права собственности частных лиц на имущество, находящееся фактически в их владении? Разве без выявленных по результатам проверки в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, оснований для возбуждения уголовного дела было бы можно изъять имущество у фактического владельца, тем более без решения суда? А если выяснилось, что основания для возбуждения уголовного дела нет, то чем эта ситуация отлична от полного отсутствия любых намеков на совершение преступления и на необходимость каких-то процессуальных действий? Иными словами, причем тут органы предварительного расследования?

Интересно в связи с этим то, что арбитражные суды, рассматривая заявления предпринимателя, фактически уравнивали удержание имущества с его изъятием, ссылаясь на позицию Конституционного Суда РФ, который признал временное изъятие процессуальной мерой обеспечительного характера [23]. Полагаем, что действие подобных «неписанных» обеспечительных мер должно, во всяком случае, заканчиваться вместе с процессуальной деятельностью, которую они «обеспечивают». Констатация отсутствия признаков преступления, произведенная постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, означает отсутствие возможностей что-либо еще обеспечивать.

Принятие на себя полномочий выяснения действительного собственника имущества при установлении факта отсутствия совершения преступления является необоснованным ограничением права собственности. Более того, в таком подходе видится атавизм когда-то традиционного для советской правовой действительности пренебрежительного отношения к праву собственности вообще, когда химера «общенародной собственности» создавала опасную иллюзию, будто бы у каких-то материальных ценностей вообще нет конкретного собственника. Самым очевидным следствием такого глобального заблуждения было расхищение «всего, что плохо лежит» теми, кто по службе или работе имел доступ к этим материальным ценностям. Корпоративное профессиональное мышление правоприменителей всегда зависело и всегда будет зависеть от внешних для их деятельности социально-экономических и политических факторов [24]. Игнорировать эту зависимость в правотворчестве и в организации правоприменения неразумно в любой процессуальной отрасли.

Заключение

Несмотря на более высокую распространенность вещественных доказательств и более высокую развитость представлений о них, полагаем, что именно в уголовном процессе есть отдельные заслуживающие внимания

процессуалистов подходы к этим доказательствам и в цивилистическом процессе. Возможные пути совершенствования института вещественных доказательств в его недоказательственном значении предполагают либо отказ от попыток обеспечивать имущественные интересы при помощи признания ценных предметов вещдоками, либо нормативное признание такой цели и более подробную регламентацию средств ее достижения.

Список источников

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 июля 2021 г. № 10-10802/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Муратов К.Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Казань, 2023. 56 с.
3. Мурылева-Казак В.В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 154–163.
4. Гаврилов М.А., Алешин А.Ю. Судьба транспортных средств – вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 326 УК // Законность. 2021. № 5. С. 62–66.
5. Forensic Evidence and the Police: The Effects of Scientific Evidence on Criminal Investigations / Peterson, Joseph L.; Mihajlovic, Steven; and Gilliland, Michael. Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, 1984. P. 509–534.
6. Владыкина Т.А. Публично-правовые и частноправовые подходы к решению вопроса о вещественных доказательствах по уголовному делу // Мировой судья. 2014. № 8. С. 19–26.
7. Кассационное определение Московского областного суда от 15 января 2013 г. № 22к-9456/131 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2021 г. № 88а-8470/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 мая 2014 г. № 10-***/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 29 апреля 2021 г. по делу № 10-7663/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2021 г. № 77-2700/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 21 сентября 2014 г. по делу № 872/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 декабря 2014 г. по делу № 10-17104/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Трубникова Т.В. Признание вещественным доказательством – новый вид меры принуждения? (По материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 49–55.
15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23 января 2007 г. № Ф04-9201/2006(30274-А03-23) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Бегичев А.В. Осмотр вещественных доказательств нотариусами в порядке обеспечения доказательств по делу // Современное право. 2013. № 9. С. 90–94.
17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 мая 2022 г. № С01-734/2022 по делу № А10-6145/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 3 августа 2015 г. № 22-1333/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Колоколов Н.А. Еще раз к вопросу о реальности перспектив истребования бездокументарных акций у «добросовестного приобретателя»: критический анализ хода разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 2–7.

20. Постановление Президиума Брянского областного суда от 8 июня 2016 г. № 44У-66/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Президиума Московского областного суда от 8 июня 2016 г. № 252 по делу № 44у-152/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Московского областного суда от 26 ноября 2013 г. по делу № 22-7519/13 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 сентября 2017 г. № Ф01-2793/2017 по делу № А31-1757/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Тарасов А.А. Стереотипы корпоративного правосознания в контексте анализа некоторых уголовно-процессуальных институтов // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 132–146.

References

1. Moscow City Court. (2021a) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 5 iyulya 2021 g. № 10-10802/2021* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated July 5, 2021, No. 10-10802/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

2. Muratov, K.D. (2023) *Veshchestvennye dokazatel'stva v уголовном судопроизводстве* [Material Evidence in Criminal Proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Kazan.

3. Muryleva-Kazak, V.V. (2022) *Soderzhanie ponyatiya “zakonnyy vladelets” dlya tseli resheniya sud'by veshchestvennykh dokazatel'stv v vide imushchestva, poluchennogo v rezul'tate soversheniya prestupleniya, i dokhodov ot etogo imushchestva* [The Concept of “Lawful Owner” in Determining the Fate of Material Evidence in the Form of Property Obtained from Criminal Activity and Its Proceeds]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 9. pp. 154–163.

4. Gavrilov, M.A. & Aleshin, A.Yu. (2021) *Sud'ba transportnykh sredstv – veshchestvennykh dokazatel'stv po уголовным делам o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 326 UK* [The Fate of Vehicles as Material Evidence in Criminal Cases Under Art. 326 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 62–66.

5. Peterson, J., Mihajlovic, S. Gilliland, M. (1984) *Forensic Evidence and the Police: The Effects of Scientific Evidence on Criminal Investigations*. Washington, D.C.: U.S. Department of Justice. pp. 509–534.

6. Vladykina, T.A. (2014) *Publichno-pravovye i chastnopravovye podkhody k resheniyu voprosa o veshchestvennykh dokazatel'stvakh po уголовному делу* [Public and private law approaches to resolving issues of material evidence in criminal cases]. *Mirovoy sud'ya*. 8. pp. 19–26.

7. Moscow Regional Court. (2013a) *Kassatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 15 yanvarya 2013 g. № 22к-9456/131* [Cassation Ruling of the Moscow Regional Court dated January 15, 2013, No. 22к-9456/131]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

8. Second Cassation Court of General Jurisdiction. (2021a) *Kassatsionnoe opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 12 maya 2021 g. № 88а-8470/2021* [Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 12, 2021, No. 88а-8470/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

9. Moscow City Court. (2014a) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 maya 2014 g. № 10-*/2014* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated May 28, 2014, No. 10-*/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

10. Moscow City Court. (2021b) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29 aprelya 2021 g. po delu № 10-7663/2021* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated April 29, 2021, in Case No. 10-7663/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

11. Second Cassation Court of General Jurisdiction. (2021b) *Kassatsionnoe opredelenie Vtorogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiksii ot 23 sentyabrya 2021 g. № 77-2700/2021* [Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 23, 2021, No. 77-2700/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

12. Moscow City Court. (2014b) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 21 sentyabrya 2014 g. po delu № 872/2014* [Appellate Ruling of the Moscow City Court dated September 21, 2014, in Case No. 872/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

13. Moscow City Court. (2014c) *Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24 dekabrya 2014 g. po delu № 10-17104/2014* [Appellate Resolution of the Moscow City Court dated December 24, 2014, in Case No. 10-17104/2014]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

14. Trubnikova, T.V. (2018) Priznanie veshchestvennym dokazatel'stvom – novyy vid mery prinuzhdeniya? (Po materialam izucheniya problem zloupotrebleniya pravom v ugovornom protsesse) [Recognizing Material Evidence as a New Form of Coercive Measure? (On the Problem of Abuse of Rights in Criminal Proceedings)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 5. pp. 49–55.

15. The Federal Arbitration Court of the West Siberian District. (2007) *Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 23 yanvarya 2007 g. № F04-9201/2006(30274-A03-23)* [Resolution of the Federal Arbitration Court of the West Siberian District dated January 23, 2007, No. F04-9201/2006(30274-A03-23)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

16. Begichev, A.V. (2013) Osmotr veshchestvennykh dokazatel'stv notariusami v poryadke obespecheniya dokazatel'stv po delu [Notaries' Examination of Material Evidence in the Process of Securing Evidence]. *Sovremennoe pravo*. 9. pp. 90–94.

17. Intellectual Property Rights Court. (2022) *Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 30 maya 2022 g. № S01-734/2022 po delu № A10-6145/2021* [Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated May 30, 2022, No. C01-734/2022 in Case No. A10-6145/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

18. The Republic of Mordovia. (2015) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Respubliki Mordoviya ot 3 avgusta 2015 g. № 22-1333/2015* [Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Mordovia dated August 3, 2015, No. 22-1333/2015]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

19. Kolokolov, N.A. (2022) Eshche raz k voprosu o real'nosti perspektiv istrebovaniya bezdokumentarnykh aktsiy u “dobrosovestnogo priobretatelya”: kriticheskiy analiz khoda razresheniya ryadovogo grazhdanskogo iska v ugovornom dele [Revisiting the Possibility of Reclaiming Uncertificated Shares from a “Bona Fide Purchaser”: A Critical Analysis of a Routine Civil Claim in a Criminal Case]. *Ugovornoe sudoproizvodstvo*. 1. pp. 2–7.

20. The Bryansk Regional Court. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Bryanskogo oblastnogo suda ot 8 iyunya 2016 g. № 44U-66/2016* [Resolution of the Presidium of the Bryansk Regional Court dated June 8, 2016, No. 44Y-66/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

21. The Moscow Regional Court. (2016) *Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo oblastnogo suda ot 8 iyunya 2016 g. № 252 po delu № 44u-152/2016* [Resolution of the Presidium of the Moscow Regional Court dated June 8, 2016, No. 252, in Case No. 44y-152/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

22. The Moscow Regional Court. (2013b) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 26 noyabrya 2013 g. po delu № 22-7519/13* [Appellate Ruling of the Moscow Regional Court dated November 26, 2013, in Case No. 22-7519/13]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

23. The Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District. (2017) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 7 sentyabrya 2017 g. № F01-2793/2017 po delu № A31-1757/2016* [Resolution of the Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District dated September 7, 2017, No. F01-2793/2017, in Case No. A31-1757/2016]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus.

24. Tarasov, A.A. (2022) Stereotipy korporativnogo pravosoznaniya v kontekste analiza nekotorykh ugovolno-protsessual'nykh institutov [Stereotypes of Corporate Legal Consciousness in the Context of Certain Criminal Procedural Institutions]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 1(67). pp. 132–146.

Информация об авторе:

Шарипова А.Р. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия). E-mail: nord-wind23@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.R. Sharipova, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation). E-mail: nord-wind23@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 12.09.2024;
approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 26.06.2025.*